

ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОСТАТКИ ТЕХНИКИ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ДЕФИНИЦИЙ «КОРРУПЦИЯ» И «КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-28-33>

Работа посвящена изучению нормативных актов международного права, формирующих современные стандарты антикоррупционной деятельности. Проблематика исследования сводится к изучению официальных определений коррупции и коррупционного преступления в международном праве, которые могут быть приняты за основу для разработки соответствующих положений национального права о противодействии коррупции. Предмет: современные источники международного права, принятые в процессе нормотворческой деятельности различными международными организациями: ООН, Советом Европы, СНГ и др. Цель: установить юридически значимые признаки таких категорий, как «коррупция» или «коррупционное преступление», которые предусмотрены в действующих международных нормативных актах и могут использоваться в качестве основы для формирования дефиниций в российском антикоррупционном законодательстве. Методология проведенного исследования включает в себя преимущественно диалектический, сравнительно-правовой и формально-логический методы научного познания, а также методы анализа и синтеза. Основное содержание и новизна статьи: в работе констатируется факт признания коррупции в качестве социально опасного явления, вредные последствия которого распространяются как на национальные, так и на международные интересы. В этой связи представлен последовательный анализ различных источников современного международного права, которыми устанавливаются общие правила осуществления антикоррупционной деятельности, а также требования к государствам – членам международного сообщества об обеспечении гарантий реализации мер юридической ответственности за совершение коррупционных преступлений. Научная новизна работы заключается в установлении факта нарушения правил юридической техники, имеющего место во всех без исключения действующих источниках международного права, относительно формулирования общего определения коррупции и коррупционного преступления. Основные результаты исследования и область их применения сводятся к обозначению видов юридических ошибок, допущенных при формулировании дефиниций «коррупция» и «коррупционное преступление», что может быть использовано при установлении указанных дефиниций на уровне национального законодательства о противодействии коррупции. Самостоятельные выводы автора: сформулирован вывод о необходимости формирования дефиниций «коррупция» и «коррупционное преступление» на уровне национального права, поскольку источники международного права содержат противоречивые и терминологически не согласованные определения указанных категорий.

БЛАШКОВА
Людмила Леонидовна

старший преподаватель
кафедры уголовного права
и уголовного процесса Югорского
государственного университета
(г. Ханты-Мансийск)

blashkovaugra@yandex.ru

**Коррупция;
коррупционное преступление;
международное право;
юридическая техника;
дефиниции
антикоррупционного
законодательства;
нормотворчество**

Liudmila L. BLASHKOVA

Senior Lecturer, Department
of Criminal Law and Criminal
Procedure, Ugra State University
(Khanty-Mansiysk)

blashkovaugra@yandex.ru

ACHIEVEMENTS AND SHORTCOMINGS OF THE TECHNIQUE OF FORMULATING THE DEFINITIONS OF “CORRUPTION” AND “CORRUPTION CRIME” IN THE SOURCES OF MODERN INTERNATIONAL LAW

**Corruption;
corruption crime;
international law;
legal technique;
definitions of anti-corruption
legislation;
rule-making**

The work is devoted to the study of normative acts of international law that form modern standards of anti-corruption activities. The research problem is reduced to the study of official definitions of corruption and corruption offenses in international law, which can be taken as a basis for the development of relevant provisions of national law on combating corruption. Subject: modern sources of international law adopted in the process of rule-making by various international organizations: the UN, the Council of Europe, the CIS, etc. Purpose: to establish legally significant signs of such categories as “corruption” or “corruption crime”, which are provided for in the current international regulations and can be used as a basis for the formation of definitions in Russian anti-corruption legislation. The methodology of the research carried out mainly includes dialectical, comparative legal and formal logical methods of scientific knowledge, as well as methods of analysis and synthesis. The main content and novelty of the article: the paper states the fact of recognition of corruption as a socially dangerous phenomenon, the harmful consequences of which extend both to national and international interests. In this regard, a consistent analysis of various sources of modern international law is presented, which establish general rules for the implementation of anti-corruption activities, as well as requirements for member states of the international community to ensure the implementation of measures of legal responsibility for committing corruption crimes. The scientific novelty of the work lies in the establishment of the fact of violations of the rules of legal technique, which takes place in all, without exception, existing sources of international law regarding the formulation of a general definition of corruption and a corruption crime. The main results of the study and their area of application are reduced to the designation of the types of legal errors made in the formulation of the definitions of “corruption” and “corruption crime”, which can be used to determine these definitions at the level of national anti-corruption legislation. The author’s independent conclusions: the conclusion is made about the need to form definitions of “corruption” and “corruption crime” at the level of national law, since the sources of international law contain contradictory and terminologically inconsistent definitions of these categories.

Противодействие коррупции в настоящее время рассматривается не иначе как проблема международного характера. Высокие темпы развития международной интеграции в самых разнообразных сферах деятельности: экономике, военной безопасности, науке, культуре, искусстве и др. – приводят к возникновению уникальной ситуации, при которой деструктивные социальные явления в одной стране негативно отражаются на интересах многих стран мирового сообщества. Феномен коррупции заключается в том, что данное социальное явление причиняет вред почти что всем сложившимся в обществе отношениям. Исходя из этого высокая степень коррумпированности в одном государстве наносит ущерб не только национальным, но и международным интересам.

Учитывая это, одним из направлений развития современного международного права является формирование антикоррупционных стандартов, т.е. определения коррупции как социально негативного явления, видов коррупционных преступлений, особенностей ответственности за их совершение, процедур осуществления международного антикоррупционного сотрудничества и пр.

В настоящее время основным источником международного права в области противодействия коррупции является Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) [1]. Несмотря на специализированный характер данного международного нормативного акта, в его нормах не содержится определений коррупции и (или) коррупционного пре-

ступления. Здесь предусмотрены только отдельные виды правонарушений, которые предлагается считать коррупционными преступлениями. Думается, что для источника международного права, специально предназначенного для установления стандартов нормативного обеспечения антикоррупционной деятельности, отсутствие официальной дефиниции коррупции и ее подмена описанием частных случаев коррупционных посягательств являются довольно существенным недостатком юридической техники.

Более высокую степень качества в этой части демонстрируют отдельные нормативные акты международного права, принятые в процессе деятельности региональных международных организаций. В первую очередь следует обратить внимание на страсбургские конвенции 1999 г. Одна из них указывает на специфику применения уголовной ответственности, а другая перечисляет меры гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Так, государства – члены Совета Европы в Конвенции от 27 января 1999 г. № 173 [2] устанавливают наказания, применяемые за «уголовные правонарушения», которые должны быть предусмотрены национальным законодательством о противодействии коррупции (гл. II). В действительности здесь речь ведется о видах преступлений, которые должны быть закреплены в нормативных актах каждого государства, ратифицировавшего указанную Конвенцию.

От Конвенции ООН 2003 г. этот нормативный акт отличается достаточно значительный перечень видов «коррупционных правонарушений» (ст. 2–14), к которым относятся: активный и пассивный подкуп национальных и иностранных должностных лиц; злоупотребление влиянием в корыстных целях; отмыwanie доходов, полученных в результате совершения коррупционных действий; правонарушения в сфере бухгалтерского учета и др. В этой же Конвенции кроме видов уголовно-наказуемых коррупционных правонарушений предусматриваются и виды мер ответственности, которые государства – участники Совета Европы также обязуются применять в процессе осуществления борьбы с коррупцией: лишение свободы, штраф, конфискация имущества и др. [3]

Страсбургская Конвенция от 4 ноября 1999 г. в действительности устанавливает не дополнительные меры гражданско-правового характера за коррупционные правонарушения, а, напротив, обязывает предусмотреть в национальном законодательстве средства эффективной правовой защиты лиц, которым был причинен ущерб в результате совершения коррупционного правонарушения. Таким образом, данный документ в действительности закрепляет виды обеспечительных мер, направленных на компенсацию имущественного (реальный ущерб и упущенная выгода) и нематериального вреда лицу, пострадавшему от коррупционных действий.

Как это ни странно, но в ст. 2 этого нормативного акта содержится официальное определение коррупции. Ни в одном из вышеперечисленных международных нормативных актов, определяющих принципы борьбы с коррупцией и виды ее уголовно-наказуемых проявлений, не приводится обобщенное определение коррупции, т.е. социально опасного явления, которое является предметом правового регулирования. В то же время содержание коррупции раскрывается в нормах Конвенции от 4 ноября 1999 г., нормы которой носят вспомогательный характер в вопросах противодействия коррупции, поскольку предметом их регламентации являются отношения по обеспечению восстановления прав и законных интересов потерпевшего.

И все же официальное закрепление понятия коррупции на уровне источника международного права уже можно признать большим достижением для раскрытия сущности изучаемого явления и последующего формирования группы преступлений, представляющих отдельные виды коррупционной деятельности. Так, содержание категории «коррупция» сводится к следующему: «просьба, предложение, дача или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» [4].

Из этого определения можно выделить ряд юридически значимых признаков коррупции, которые могут рассматриваться в качестве основания составов коррупционных преступлений. Перечень данных признаков может быть представлен следующим образом:

а) предметом коррупции признаются любые материальные ценности: деньги, вещи иное имущество (взятка), а также любые действия имущественного характера, которые обеспечивают незаконное увеличение материального благосостояния (ненадлежащее преимущество);

б) материальная выгода, получаемая в результате совершения коррупционного правонарушения, может носить как прямой, так и косвенный характер. В последнем случае виновный получает материальную выгоду в результате получения выгод или иных преимуществ, являющихся средством для увеличения заработка или иного дохода, а равно увеличения благосостояния или улучшения имущественного положения своих близких;

в) формы коррупционного поведения сводятся к совершению или обещанию совершения симметричных встречных действий двух и более лиц, имеющих взаимную заинтересованность в результате совершенного коррупционного правонарушения (просьба/предложение, дача/принятие);

г) сущность коррупционного правонарушения сводится к причинению вреда личности, обществу и государству, поскольку нарушает их права и законные интересы (искажение нормального выполнения любой обязанности, ненадлежащее преимущество).

Приведенная дефиниция свидетельствует, что субъектом коррупционного правонарушения может признаваться не только должностное лицо, но и человек, не имеющий специального правового статуса. В этой части можно усмотреть юридическую несогласованность положений Конвенции от 4 ноября 1999 г. с иными международными актами, регламентирующими осуществление антикоррупционной деятельности, поскольку последние казуистично и достаточно подробно описывают статус должностных лиц, совершающих коррупционные правонарушения: «правительственный чиновник», «служащий», «служащий Сообщества», «публичное должностное лицо», «судья», «должностное лицо международных организаций», «должностное лицо публичной международной организации» и др. Можно предположить, что международное право определяет общие характеристики коррупционных преступлений, в том числе и особенности правового статуса лиц, их совершающих. Конкретизация признаков, имеющих обязательное значение для квалификации коррупционных преступлений, осуществляется на уровне национального права в соответствии с принципом уважения государственного суверенитета (если соответствующие полномочия не переданы государством-членом в компетенцию соответствующей международной организации) [5, с. 120].

Более высоким качеством техники структурирования нормативных антикоррупционных предписаний отличаются акты, принятые в рамках совместной деятельности государств – участников СНГ. К примеру, в области регламентации антикоррупционной деятельности Межпарламентской Ассамблеей СНГ принято несколько модельных законов, регламентирующих совместную антикоррупционную деятельность на территории стран Содружества. В отличие от рассмотренных выше нормативных актов международного права указанные законы предусматривают общие определения и коррупции, и коррупционного правонарушения. Однако и акты СНГ не дают исчерпывающего ответа на вопрос о содержании рассматриваемых категорий, равно как и не отличаются терминологической согласованностью и унифицированным использованием юридических категорий.

В 2003 г. принимается Модельный закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике», в ст. 2 которого коррупция определяется как «подкуп (получение или дача взятки), а также любое незаконное использование должностным лицом своего публичного статуса, сопряженное с по-

лучением выгоды (имущества, услуг или льгот и (или) преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу» [6]. В свою очередь коррупционным правонарушением Модельный закон 2003 г. признает «деяние, обладающее признаками коррупции, за которое... установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность» [6].

Приведенные дефиниции нельзя признать безупречными, поскольку содержание коррупционного правонарушения в действительности не раскрывается: за любое правонарушение устанавливается тот или иной вид юридической ответственности, а определение «коррупционности» как «признака коррупции» является некорректным, так как представляет собой нормативную тавтологию, которая специалистами в области нормотворчества рассматривается как распространенная ошибка в деятельности современного законодателя [7, с. 261]. Дефиниция коррупции более удачна, но и она вызывает возражения, поскольку социально негативное явление законодатель СНГ пытается раскрыть с помощью приема открытого перечня видов должностных преступлений, которые совершаются из корыстных побуждений. Думается, что и этого явно недостаточно для раскрытия сущности такого сложного общественно опасного явления, как коррупция.

Уже в соответствии с Модельным законом 2009 г. коррупцией признается «совершение... виновного противоправного деяния», а коррупционным правонарушением – «противоправные виновные деяния (действие или бездействие): преступления, гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, дисциплинарные проступки». Как следует из процитированных нормативных положений, принципиальных различий между категориями «коррупция» и «коррупционное правонарушение» не существует, поскольку и то, и другое представляет собой виновно совершенное противоправное деяние [8, с. 429].

Новейшим нормативным актом, принятым главами государств – членов СНГ, является Решение от 11 октября 2017 г., которым утверждена Концепция сотрудничества в противодействии коррупции [9]. Но принятая Концепция не содержит определений коррупции и коррупционного преступления, а указывает на отдельные направления межгосударственного сотрудничества в области противодействия коррупции. Из этого следует, что данные вопросы должным образом уже решены на уровне иных специальных нормативных актов СНГ (например, Модельного закона 2008 г.) либо в антикоррупционном законодательстве

каждой страны, входящей в состав СНГ. Однако одним из направлений сотрудничества заявлено совершенствование модельного законодательства СНГ в сфере противодействия коррупции [9], что указывает на необходимость по меньшей мере научных исследований в области нормативной регламентации и систематизации положений антикоррупционного законодательства как СНГ в целом, так и национальных нормативных актов стран – участниц Содружества.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что в международных актах регионального значения: Совета Европы, СНГ и др. – представлены исследуемые социально-правовые категории «коррупция» и «коррупционное преступление», но их содержание носит несистемный, а иногда и противоречивый характер. По этой причине на основании положений перечисленных видов нормативных актов затруднительно выделить специфические правовые особенности коррупционного преступления и сформировать систему видов соответствующих общественно опасных (уголовно-наказуемых) посягательств.

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что к настоящему времени высокая общественная опасность коррупционных правонарушений (преступлений) является фактом, признанным всем международным сообществом. Подтверждением тому является значительное количество нормативных актов, принятых в результате правотворческой деятельности международных организаций различного уровня. Но, несмотря на всеобщее признание коррупции в качестве серьезной проблемы международного значения, действующие источники международного права не содержат определений коррупции и коррупционного преступления, которые носили бы универсальный характер и объединяли бы в себе совокупность юридически значимых признаков, позволяющих осуществить обособление указанных категорий. В этой связи решение данной задачи каждому государству необходимо обеспечить на уровне внутреннего уголовного законодательства с учетом специфики национальных интересов и сложившихся традиций в сфере правотворчества.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
2. Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3424.
3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 27 января 1999 г.) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
4. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 4 ноября 1999 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Чиркин В. Е. Региональные межгосударственные союзы, наднациональное право и государственный суверенитет (тезисы) // Государственный суверенитет и верховенство права : международные и национальные изменения: II Московский юридический форум (Москва, 2–4 апреля 2015 г.). Материалы круглых столов. Т. 1. М. : Проспект, 2015.
6. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-15) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33.
7. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010.
8. Модельный закон «О противодействии коррупции» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 25 ноября 2009 г. № 31-20) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43.
9. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции» (Сочи, 11 октября 2017 г.) // Исполнительный комитет СНГ : сайт. URL: <http://cis.minsk.by> (дата обращения: 20.12.2020).

References

1. UN Convention against Corruption (New York, 31 October 2003). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 26. Art. 2780.
2. Federal Law of 25 July 2006 No. 125-FZ "On Ratification of the Convention on Criminal Responsibility for Corruption". *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3424.

3. Criminal Law Convention on Corruption (Strasbourg, 27 January 1999). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2009. No. 20. Art. 2394.

4. Civil Liability Convention on Corruption (Strasbourg, 4 November 1999) (SPS "ConsultantPlus").

5. Chirkin V. E. Regional Interstate Unions, Supranational Law and State Sovereignty (Theses). In *State Sovereignty and the Rule of Law: International and National Changes: II Moscow Legal Forum* (Moscow, 2–4 April 2015). Materials of Round Tables. Vol. 1. Moscow: Prospekt, 2015.

6. Model Law "Fundamentals of Anti-Corruption Policy Legislation" (adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States of 15 November 2003 No. 22-15). *Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2004. No. 33.

7. Moskalkova T. N., Chernikov V. V. *Rule Making: Scientific and Practical Guide*. Moscow: Prospekt, 2010.

8. Model Law "On Combating Corruption" (adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of 25 November 2009 No. 31-20). *Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2009. No. 43.

9. Decision of the Council of CIS Heads of State "On the Concept of Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Corruption" (Sochi, 11 October 2017). URL: <http://cis.minsk.by> (date of the application: 20.12.2020).